

Размышления над книгой Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока», Москва, «Русская идея», 1997 г., 446 стр.

Одной из центральных тем современной историософии является проблема взаимоотношений между Востоком и Западом. Отсюда возросший интерес к классическим трудам по данной теме: «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, «Закат Европы» Освальда Шпенглера, «Европа и человечество» Н.С.Трубецкого. В одном ряду с перечисленными книгами стоит исследование немецкого философа Вальтера Шубарта (1897-194?) «Европа и душа Востока»[Europa und die Seele des Ostens,], впервые вышедшее в 1938 году в Швейцарии. Оно тоже целиком посвящено историософии и сравнительной культурологии. Особенность его состоит в том, что «труд Шубарта остается по сей день единственным, в котором речь идет об уникальном всемирном призвании русской цивилизации», – так считает ответственный редактор издания М.В.Назаров.

Работа Шубарта быстро привлекла внимание спецслужб Третьего рейха и СССР. Первые вынудили его выехать из Германии еще в 1933 году за русофильство. Вторые сначала предложили сотрудничество, но получив отказ, арестовали и отправили в Гулаг, где он бесследно исчез.

В годы войны часть книги Шубарта в переводе В.Д.Поремского была опубликована по-русски. Этот же перевод в еще большем сокращении позже перепечатывался в

Германии (1947 г.), в США (1990 г.) и в России (1992-1993 г.). И вот, наконец, в Москве в 1997 году вышел полный русский текст книги «Европа и душа Востока» (перевод З. Г. Антипенко и М. В. Назарова), издание которого приурочено к столетнему юбилею ее автора.

Основное содержание монографии составляет осмысление «противоположности между человеком Запада и человеком Востока». Эту исходную интуицию Шубарт называет «сильнейшим переживанием в жизни». Автор считает, что Запад попал в плен материалистической цивилизации и переживает эпоху глубочайшего кризиса. Одному Западу не спастись. Нового пробуждения и обновления следует ждать с Востока, из России, богатой духовными традициями. Показывая широкий научный кругозор и большую начитанность, Шубарт уделяет много внимания анализу русской литературы, философии, ключевым моментам истории России. В его размышлениях, порой прозорливых, порой противоречивых и спорных, часто можно встретить цитаты из Достоевского, Соловьева, Мережковского, Розанова, Бердяева. Однако книга Шубарта не о России, она «о Европе, увиденной с Востока».

С методологической точки зрения Вальтер Шубарт исходит из учения о четырех мировых эпохах (эонах). Каждой эпохе соответствует собственный архетип: 1) гармоничный человек (воспринимает вселенную как одушевленный космос, не требующий перестройки); 2) героический человек (воспринимает мир как хаос, который должен быть им упорядочен); 3) аскетический человек (бежит от мира, как от искушения и соблазна, и выражает свое отношение к нему в форме мистерий); наконец, 4) мессианский человек, или человек «иоанновского типа» (названный так по имени евангелиста Иоанна, он чувствует себя призванным создать на земле более возвышенный, Божественный порядок, образ которого он носит в себе. В нашу апокалиптическую эпоху, согласно Шубарту, происходит столкновение различных типов, унаследованных от прошлого. Каждый из них создал особый вид культуры, среди которых автор выделяет «готическую» и «прометеевскую».

Готическая культура, созданная гением германской расы, в основе своей религиозна и художественна. Она наследует средневековый спиритуализм и лучшие достижения античности. Прометеевская культура начинается в эпоху Реформации и Просвещения. По сути она атеистична и технократична. Человек прометеевской культуры постепенно утрачивает черты предыдущих эпох. Он теряет гармоничное равновесие, перестает быть героем, не стремится к аскезе. Видя кризис прометеевского человека, пророки

восходящей эпохи провозглашают необходимость рождения качественно иного, иоаннического человека, соединяющего в себе лучшие из предыдущих эпох. «Он передает лидерство в руки тех, кто обладает склонностью к сверхмирному в виде постоянного национального свойства, а таковыми являются славяне, и в особенности – русские. Грандиозное событие, которое сейчас готовится, – это восхождение славянства как ведущей культурной силы» (с. 22).

Здесь Шубарт высказывает идею, созвучную выводам Данилевского и Шпенглера, однако автор иоаннической теории идет дальше. Он не просто пророчествует о грядущем расцвете славяно-русской культуры, он категорически заявляет, что прометеевская эпоха исчерпала себя, что она идет к концу и следующая за ней иоанническая эпоха будет эоном славян. «Грядущие столетия принадлежат славянам». Таков главный историософский вывод Вальтера Шубарта. Его обоснованию и посвящена книга «Европа и душа Востока».

От очерка к очерку философ прослеживает основные этапы развития мировой истории, анализирует метафизические и реальные противоречия между Западом и Востоком, проникает в глубины русской души, пытается понять смысл русской национальной идеи. Он сравнивает русских (а для Шубарта Россия является лидером Востока) с немцами, испанцами, французами, англичанами. Его занимают такие философские проблемы, как вера и безбожие, страх и доверие, любовь и ненависть, эгоизм и братство, слово и молчание. Он хочет понять, почему немцы, как и евреи, вызывают чувство отторжения у других народов, почему англосаксы слишком предприимчивы и корыстны, почему французы легкомысленны и излишне рационалистичны, а русские столь идеалистичны, бескорыстны и склонны к самопожертвованию. Его интересуют причины деградации западного человека. Он хочет знать, кто наследует лучшее из западной культуры, что ждет Европу и Азию в будущем.

Ответ на все эти вопросы Шубарт находит во влиянии географических, религиозных и культурных факторов. Влияние географии и климата он называет «духом ландшафта». «Дух ландшафта обуславливает различие в пространстве, дух эпохи – различие во времени». Исходя из этого ученый формулирует собственный закон о двух факторах, определяющих человеческую историю: «постоянная власть земли и переменная власть эонических архетипов» (с. 18). Посмотрим, как именно Шубарт понимает Запад и как он понимает Россию.

Западу в целом свойственно целевое (telos – тело) мышление. Западный человек методичен, динамичен, склонен к аналитике. Он может быть хорошим специалистом в

своей области, однако живет по эгоистическому принципу «войны всех против всех». Личные интересы у него на первом плане. Время для него – деньги. Он склонен к мещанству и атеизму. Эти черты и характеризуют западную «культуру середины», которой Шубарт противопоставляет культуру Востока. Восток, особенно Россия, эсхатологичен, т. е. стремится к «концу истории». Такую культуру немецкий философ называет «культурой конца».

Запад Шубарт разделяет на несколько ключевых наций. Он отдельно анализирует немцев, англосаксов, французов.

Немцы, по его мнению, наиболее типичные представители прометеевской культуры Запада. Они дисциплинированы, очень трудолюбивы, крайне методичны, на что отложил отпечаток дух Севера. Немцы любят войну, они прирожденные солдаты. Воинственное пруссачество – наиболее точное выражение германского духа. Отрицательными сторонами характера германцев являются высокомерие и жестокость по отношению к другим. Однако это не значит, что немец всегда суров. В кругу семьи он добр и сердечен.

На англосаксов большое влияние оказало островное положение их страны. Будучи отделенными от континента, они мыслят с помощью «островного мышления». Англичане по своему характеру прагматичны, во всем опираются на практику. Они стремятся к успеху, выгоде и добыче. По духу англичанин – либерал, а по призванию – торговец. Внешне он вежлив и приветлив, но его цель сегодня – прибыль, а завтра – власть. Именно эти черты позволили Англии стать великой империей и родиной масонства, стремящегося к мировому господству.

Французы, в отличие от англичан, менее прагматичны. Они тоже хорошие аналитики и рационалисты, но вместе с тем более легкомысленны и говорливы. Француз любит острое словцо, он чувствителен и сентиментален, во всем любит изящество и красоту. Если немец воюет по зову своего милитаристского духа, англосакс разбойничает ради добычи, то француз готов умереть за дорогое его сердцу Отечество.

Западной культуре Шубарт противопоставляет Россию, которой он уделяет большую часть книги. Немецкий философ подмечает немало верных черт русского характера, однако в его книге слишком много абстрактных размышлений, грубых схем, натяжек и ошибок (наиболее явные промахи прокомментированы и исправлены в научных

комментариях к изданию).

По Шубарту, русский, в отличие от своих западных собратьев, обладает необычайной внутренней свободой. Благодаря глубинной религиозности и устремленности к концу, русский не отягощен бременем материальности, он ничем не скован и не ограничен. Он не пытается покорить мир, как немец, не ищет везде прибыли, как англосакс, и не щегольствует, как француз, а как бы играет с миром. Отсюда его приветливость и жизнерадостность, проявляющаяся в «каскаде чувств». У русского необычайно богатое воображение. Он склонен к мечтательности, художественному творчеству, к поэзии, имеет ярко выраженные способности к языкам и театральному искусству. Русский легко вживается в душу собеседника, осваивает чужую культуру. В этом проявляется его уникальный универсализм.

Хорошей иллюстрацией универсальности русской души может послужить характеристика, данная Шубартом русской женщине: «Русская женщина самым привлекательным образом объединяет в себе преимущества своих западных сестер. С англичанкой она разделяет чувство женской свободы и самостоятельности, не превращаясь при этом в «синий чулок». С француженкой ее роднит духовная живость, без потуг состричь; она обладает тонким вкусом француженки, тем же чувством красоты и элегантности, не становясь жертвой тщеславного пристрастия к нарядам. Она обладает добродетелями немецкой домохозяйки, не сводя жизнь к кастрюлям; и она, как итальянка, обладает сильным чувством материнства, не огрубляя его до животной любви. К этим качествам добавляются еще грация и мягкость, свойственные только славянам.» (с. 184)

Этот возвышенный гимн мог быть написан потому, что женой Вальтера Шубарта была русская эмигрантка — Вера Марковна Энглерт, внебрачная дочь кн. Долгорукова. Именно она, жена Шубарта и мать двух его детей, Александра и Норы, повлияла на взгляды немецкого мыслителя. Именно с ее помощью он изучил русский язык и приобщился к духовным богатствам России.

Разумеется, универсализм свойственен не только русской женщине, но и русскому мужчине. Этот универсализм имеет гносеологический и геополитический характер.

В гносеологии истоки универсализма следует искать в христианском мировоззрении. Оно изначально было сверхнациональным, сверхмировым, сверхнормативным.

Сверхнормативность восточного христианства определяется особым пониманием времени. Западный человек живет размеренно, по часам, как заведенный механизм, ища комфорта и мирской выгоды, а русский в каждом мгновении чувствует дыхание вечности, божественного чуда и промысла. Во всем он ищет предела и выходит за него. Если православные жаждут апокалипсиса и Божьего суда, то революционеры-атеисты ищут мученической смерти во имя справедливости. *Vive la mort* революционеров – это обратная сторона христианской жажды конца света.

С геополитической точки зрения, русский – прирожденный империалист, он мыслит категориями больших пространств и континентов, его ум простирается во все исторические эпохи, являясь универсальным и космическим по своей сути. У Достоевского были все основания заявлять о «всеевропейском и всемирном назначении русского человека», а у Наполеона – достаточный личный опыт для пророчества о том, что: «Россия – это сила, которая гигантскими шагами и с величайшей уверенностью шагает к мировому господству».

Понимая эти отличительные черты русского характера, Шубарт достаточно точно интерпретирует сущность русской национальной идеи.

Русскую идею Шубарт излагает по Хомякову, выдвинувшему в качестве фундаментального принципа Православия категорию Соборности как синтеза свободы и любви. Общество как Церковь, как «свободное многообразие в любовном единении», как мистическое Тело Христово – вот русский идеал о социуме, который был свойственен и готической эпохе. (с. 143)

Октябрьскую революцию 1917 года Шубарт понимает как проявление русского духа в одном из его измерений. Он считает, что большевизм не следует рассматривать как проявление одного лишь марксизма; в данной форме большевизм мог возникнуть только на русской почве, и «он может быть понят во всей противоречивой полноте своих проявлений – не из тезисов марксистской доктрины, а только из глубин русской сущности.» (с. 276). Одним из таких закономерных проявлений является весьма характерное для русских желание сверхъестественного скачка в развитии. В Православии – это чудесное преображение, а в марксистской доктрине – диалектический скачок из «царства необходимости в царство свободы. Как метко замечает Шубарт: «Русский любит такие внезапные скачки, один прыжок – и ты в другом мире» (с. 145).

Данных примеров в принципе достаточно для того, чтобы убедиться в схематизме мышления немецкого философа. И все же мы приведем еще несколько цитат, чтобы более наглядно продемонстрировать наиболее характерные натяжки и явные заблуждения Шубарта.

Следуя упрощенной логике поляризации Запада и Востока, автор книги «Европа и душа Востока» утверждает вопреки историческим фактам, что славяне – не европейцы. Он относит нас не к Европе, а к «Восточному континенту» (?). «Восточная граница Европы, – пишет Шубарт, – проходит по Висле, а не по Уралу; она проходит сегодня, как в средневековье там, где остановилась немецкая колонизация» (с. 239).

Русских, исконно проживавших в широколиственных лесах умеренного пояса и пришедших на Восточно-европейскую равнину по водным путям с северо-запада, он называет «сыновьями степей». «Даже живя в городе, он (то есть русский, «сын степей» – Ред.), сохраняет беззаботно бродячий стиль жизни кочевника» (с.89). И это говорится о Руси, известной по скандинавским источникам как «гардарика» (страна городов), о России, покорившей степные народы и колонизировавшей Сибирь, о православном царстве, выросшем в величественную Империю, где всегда преобладал оседлый образ жизни и сельскохозяйственный труд крестьян.

Самодержавие, традиционную форму европейской государственности, которую Россия позаимствовала у Византии (Второго Рима), Шубарт называет «татарской идеей». Дословно он говорит следующее: «Самодержавие это татарское инородное тело в плоти русского народа» (с. 63).

Вопреки элементарным сведениям из военной истории, Шубарт утверждает, что «русским приходится редко вести войны и по той же причине их выигрывать» (с. 229). Читал ли что-нибудь Шубарт о Вещем Олеге или князе Игоре, ходивших со своими дружинами на Царьград; о Святославе, разгромившем Волжских Булгар и Хазарский Каганат; о Владимире Мономахе, имевшем опыт более 80 военных походов; о Дмитрии Донском, покончившем с татаро-монгольским иггом; о Суворове, переходившем со своими бравыми солдатами через Альпы; о Кутузове, победившем наполеоновскую армию. По-видимому, не читал. И даже ничего не слышал, раз утверждает подобную нелепость.

Весьма своеобразно представление Шубарта о «русском времени». Наиболее характерным выражением русского чувства времени в смысле недолговременности и

непрочности жизни, по его мнению, являются «потемкинские деревни» (стр. 114). Не «Господин Великий Новгород», не «Киев – мать городов русских», не «златоглавая Москва», не «щеголь Петербург», а фанерные домики, временные солдатские бараки из мифа о русском очковтирательстве. Видно, что Шубарт плохо знает не только русскую историю, но и русский народ, ведь он почему-то утверждает, что «по мнению русского, прошлое надо забыть, в таком забвении даже веление жизни». Такое вопиющее беспамятство немецкий философ называет «виталистическим возражением против исторического мышления» (с. 119).

Произвольно развивая свою умозрительную схему противопоставления России и Запада, Шубарт утверждает, что русский живет без норм и жестких правил, склонен к анархии, беззаботен, безразличен к власти. В русском, якобы, живет непреодолимая страсть к разрушению. «Русский разрушает из чистой радости конца. Он разрушает и собственное имущество, если это необходимо, а также порой, если это не необходимо, и это тоже доставляет ему удовольствие» (с.79).

Русская культура, по Шубарту, в своей глубине стремится к тому, чтобы в заключительном акте принести себя в жертву. Русский – вечный мученик и страдалец. Его постоянно сопровождает никогда не притупляющееся чувство вины, отчего он становится «мастером страданий, даже наслаждаясь ими». Христианское учение о жертвенной любви и конце света Шубарт интерпретирует в духе национальной склонности русских к самопожертвованию, к самосожжению.

Отсюда немецкий философ делает скоропостижный вывод, что русский вообще «способен пойти до конца, упиваясь мыслью о собственной гибели» (с. 71). Он пишет: «Русский рад видеть гибель, в том числе и свою собственную, она напоминает ему о конце всего существующего» (с. 80). И даже более того: « На него (то есть на русского – Ред.) давит вина, что он все еще живет в земном мире» (стр. 82).

Этот фантастический, чудовищный, оскорбительный для нас мазохизм Шубарт называет едва ли не главной чертой русского характера, связывая его с «русской пасхальной идеей» (стр. 83). Православная Пасха, Светлое Воскресение Христово для Шубарта не радостный праздник вечно обновляющейся жизни, не торжество Божественного мира и небесных сил над мирской суетой, а некая смутная тоска по смерти, нигилизм и плохо усвоенный экзистенциализм.

По всему видно, что Шубарт почерпнул свои знания о России не из первоисточников и не из русской истории, а из художественной и философской литературы, из учебников типа «Очерков русской философии» Яковенко (Берлин, 1922). Именно оттуда немецкий исследователь мог позаимствовать столь абстрактные, субъективные и поверхностные размышления.

И все же, даже при таких приблизительных знаниях, Шубарту, благодаря его интуиции и искренней любви к России, удалось увидеть нечто существенное, нечто важное, то, чего мы сами в себе не замечаем, а со стороны бросается в глаза.

Одним из интересных наблюдений Шубарта является открытие удивительного сходства судеб и национальных характеров русских и испанцев. Обе нации сложились в одну эпоху в результате борьбы против нехристиан. В 1476 г. Иван III отказался платить дань татарскому хану, а в 1492 г. Фердинанд отвоевал последний оплот мавров в Гранаде и изгнал из страны евреев, чем завершил Реконкисту. Оба народа отстроили могущественные Империи, обе страны противостояли нашествию Наполеона и победили его многонациональную армию. Роковым для обеих наций, по мнению Шубарта, стало наступление протеевской цивилизации. В XX веке как Россию, так и Испанию, потрясли революции и гражданские войны.

Исторические параллели, общие культурные, расовые и религиозные корни стали причиной формирования близкой по типу «готической души», набожной, склонной к мистике, художественно одаренной, сверхнормативной, анархичной и свободолюбивой.

«Испанская национальная идея родственна русской как никакая другая, – считает Шубарт, – ибо совпадение происходит не только на периферии жизни, но в самом душевном центре. Для испанского, как и для русского сердца, главная мудрость заключается в словах: *Todo nada, Dios solo* (Бог превыше всего)».

Дон Кихот Сервантеса и князь Мышкин из романа Достоевского «Идиот» – два родственных типа, два литературных героя, сочиненные в духе христианского юродства. Близки по типу и революционеры двух стран, настроенные, как правило, крайне радикально. *Viva la muerte* испанских анархистов и революционный призыв Герцена *vive la mort* – это единый крик христианско-социалистического апокалипсиса.

Историческая миссия русских и испанцев, по Шубарту, заключается в том, чтобы «вернуть миру утраченную душу». «Когда они искупят свой грех – они поднимутся в новом эоне до нового величия и воскресят веру в преимущества духа – над силой, души – над вещью» (с. 269).

Русские, по мнению Шубарта, вообще, призваны обновить мир, очистить его от скверны и дать пример качественно иной, отличной от прометеевской цивилизации. Автор «Европы и души Востока» пророчит о грядущем русском философском синтезе, который будет «новым, углубленным, всеобъемлющим утверждением системы свободы» (с. 77).

«Русскость, – продолжает Шубарт, – борется за преодоление прометеевской культуры на русской почве, но придет время, когда она перешагнет границы своей страны, чтоб атаковать западный дух на его родине. От такого хода событий зависит судьба человечества: Европа была несчастьем для России, так пусть Россия будет счастьем для Европы!» (с. 284).

Продвижение России на Запад, по мнению немецкого мыслителя, приведет к тому, что «европеец будет все больше приближаться к русско-восточному человеку». Наступление Азии неизбежно, ибо Россия, в силу геополитических причин, решит исторический спор Запада и Востока в пользу Азии. Новый человеческий тип, всечеловек, носитель идеалов духовной эпохи, нового солидаризма, не будет русским в старом смысле этого слова. «Россия – не сегодняшняя, а грядущая – есть то бодрящее вино, которое способно оживить обессилевшую жизнь современного человечества» (с. 307).

«Русских надо отвоевать для мирской жизни, примирить их с миром так, чтобы они больше не желали его конца. А европейцев надо отдалить от мира, чтобы они не потерялись целиком в мелочах преходящего» (с. 306). Вот в каком смысле Достоевский требовал, чтобы «каждый житель Земли прежде всего стал русским» (с. 308).

Против такого рода мессионизма выступал известный русский философ И.А.Ильин, которому принадлежит развернутый отклик на книгу Шубарта под названием «О национальном призвании России». (Он был опубликован в эмиграции в 1940-е гг. и перепечатан в приложении к рецензируемому мной изданию Шубарта.) Ильин считал, что Россия должна жить не для других народов, а для себя. «Мы призваны быть, а не слыть, быть, а не учительствовать». «Нам надо идти вглубь, в себя и вверх, к Богу, а не во все стороны, к другим народам, чтобы спасти их». В то время, как мы пророчествуем,

поучаем другие народы, критикуем Запад, а другие страны идут вперед, развивают и углубляют свои собственные традиции, осваивают новые знания, прогрессируют в области экономики и техники. Нам кажется, что мы выступаем в роли учителя, а на деле в истории неоднократно случалось противоположное. « Запад, – пишет Ильин, – бил нас нашей отсталостью, а мы считали, что наша отсталость – есть нечто правоверное, православное и священно обязательное» (с. 399).

В другом приложении – философском очерке М.В. Назарова «Смысл истории» – дается богословская интерпретация круга проблем, поднятых Вальтером Шубартом. Назаров в основном разделяет мессианский пафос немецкого философа и не во всем согласен с Ильиным. Назарову, также как и Шубарту, близок идеал Царства Божьего, почерпнутый из того же евангелического источника. Царство Божие, по убеждению Назарова, и есть цель истории. Русский издатель Шубарта считает, что в условиях тотального кризиса западной цивилизации, который на языке Православия называется апостасией (отпадением от Бога), именно Россия с ее богатыми духовными традициями, с ее сердечностью и всемирной отзывчивостью способна поставить преграду Антихристу, тайным силам, стоящим за «новым мировым порядком». Хорошо, если в этой борьбе русские обретут союзников в лице немцев, таких, которые, подобно Шубарту, любят Россию.

Философско-литературное исследование Вальтера Шубарта, при всех его противоречиях, неточностях и явных ошибках, в целом представляет большой интерес для русского читателя. Особенно ценно оно для тех, кто занимается русским миром и сравнительной культурологией. Когда я читал Шубарта, меня не покидало чувство, будто я повторил основные этапы собственных поисков (революционный романтизм, ницшеанство, прометеизм, увлечение русской литературой и немецкой классической философией, отстаивание идеала соборности и специальные исследования русско-испанских связей). Здесь сокрыта какая-то загадка русской Судьбы, некая тайна.

Достаточно высокая оценка книги Шубарта не означает, что с ним можно во всем согласиться. Отнюдь. Есть в «Европе и душе Востока» вещи, которые необходимо оспорить и опровергнуть.

Шубарт рассуждает о русской душе, о национальном характере других наций, как о неких отвлеченных идеях, об абстракциях. Однако в действительности нет абстрактного русского, как не существует абстрактного немца, француза, испанца. Есть конкретные люди, живущие в конкретной эпохе, с конкретными именами и взглядами, которые, между прочим, со временем меняются. Одно дело – православный монах Преподобный

Сергий Радонежский, другое дело – ученый и литератор Михайло Ломоносов, третье – бунтарь Бакунин, четвертое – космонавт Гагарин. Все они – русские из русских, и все – разные.

Более или менее определенное единство существует в рамках единой религиозной традиции или идеологии, например, в Православии или в большевизме. Но и внутри них существует большой разброс мнений, точек зрения, направлений. То же самое можно сказать о таком ключевом для Вальтера Шубарта понятии, как «Восток». Россия по отношению к Германии – это, конечно, Восток. Но по отношению к Китаю и Средней Азии, Россия – Запад. Русские, по своим расовым и религиозным истокам, – европейцы. Наша Империя распространялась с северо-запада на юго-восток, но от этого мы не стали азиатами, мусульманами, «восточниками» и не перестали быть христианами, белыми колонизаторами.

Шубарт рассматривает Россию не как объемный, многообразный мир с бесконечным множеством пересекающихся пространств, а как плоскость. Он называет наше Отечество «Восточным континентом», а нас – «сыновьями степей». Географический детерминизм – вообще одно из наиболее слабых мест Шубарта. Ему кажется, что ландшафт едва ли не целиком определяет судьбу той или иной нации. В действительности это не так. Хорошая кровь (порода, генетика), техника и государственная система могут переделать плохой ландшафт, и наоборот.

Наконец, еще одно серьезное замечание. В книге Вальтера Шубарта, посвященной преимущественно критике Запада, нет ни одного обстоятельного размышления о США – лидере современного западного мира (автор лишь вскользь упоминает о Новом Свете). «Европа и душа Востока» писалась в 1930-е гг., когда открытая американская экспансия обосновывалась доктриной Монро и относилась преимущественно к западному полушарию. Однако после 1914 года присутствие американцев стало весьма ощутимо и на «Старом континенте». Американцы фактически участвовали в послевоенном разделе сфер влияния в Европе. Как Шубарт не заметил этого – не понятно.

С тех пор глобальное соотношение сил менялось еще дважды: в 1941-45 гг. и после 1991 года. Нет больше Третьего Райха и нет больше СССР. Мы живем в эпоху технократической, постиндустриальной цивилизации, в эпоху наступления «нового мирового порядка» и «войн нового поколения». В этих качественно иных условиях многие из пророчеств Шубарта и его современников воспринимаются как явно несбывшиеся или сильно преувеличенные.

Поэтому, подводя общий итог, заметим, что к любой книге, в том числе «Европе и душе Востока» Вальтера Шубарта, следует относиться как к книге, а не как к своду откровений и пророчеств. С советами со стороны надо быть поосторожнее и лучше не поддаваться гипнозу, от кого бы он не исходил – от друзей или врагов.

Будем надеяться прежде всего на самих себя, слушать свой ум, свое сердце и свою душу. Будем сами свободно и разумно творить свою собственную Судьбу.